

Вернисаж

ЮРИЙ ФЕДОРОВ

член Союза художников России

Юрий Анатольевич Федоров родился 28 сентября 1953 года в г. Ленинграде. Окончил физико-механический факультет Ленинградского Политехнического института и вечерние рисовальные классы при Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Служил в воздушно-десантных войсках в г. Пскове, работал инженером-физиком в НИИ онкологии им. проф. Н.Н.Петрова. Член Союза художников России.

Иконной мелкой пластикой занимается с 1979 года. С 1980 по 1988 гг. выполнял заказы митрополита Ленинградского и Новгородского Антония (Мельникова). Объектом работ художника были резные, из твердых пород дерева и кости, миниатюрные иконки, наперсные кресты, панагии, створчатые пасхальные яйца. С 1989 г. — самостоятельная творческая работа, изучение древнерусского и византийского искусства, участие в археологических экспедициях и тематических православных выставках. Участник Первой Всемирной выставки миниатюрного искусства в Лондоне в 1995 г. С 1996 г. художник начинает работу по созданию коллекции православных индивидуальных святынь (нательных крестов, образков, складней), которые выпускаются серийно с использованием техники литья. Параллельно художник был занят исследованиями в области ставрографии, результатом которых явился выпуск в 2000 г. книги «Образ креста», посвященной истории и символике нагрудных крестов. Коллекция Ю. Федорова постоянно экспонируется на многочисленных православных и ювелирных выставках в России и за рубежом. Его работы неоднократно отмечались почетными дипломами, а в 2007 году почетной грамотой Патриарха Алексия II за вклад в церковное искусство.

«ПРИЗНАЮСЬ, ЧТО БРЕМЯ МОЕ ЛЕГКО...»

С Юрием Федоровым беседует журналист Надежда Рогожина

Юрий Анатольевич, как давно Вы занимаетесь церковным ювелирным искусством?

Всю сознательную жизнь, точнее 29 лет, а непосредственно производством — 10 лет. Начал с изготовления эксклюзивных вещей, панагий, крестов, 7 лет выполнял заказы митрополита Антония (Мельникова), а потом дорос до крестов, которые можно выпускать в серии.

Отношение к ювелирному, и к церковному ювелирному искусству, у многих людей бывает негативным: пользы оно не приносит, но тщеславие и богатство демонстрирует.

Демонстрировать статус человека одна из основных функций светского ювелирного искусства. В церковном же не так, по крайней мере в теории. Церковное искусство сакральное. Поэтому большинство индивидуальных святынь, таких как нагрудный крест, носятся сокровенно. Храмовые же святыни сознательно выставляются на показ. Их задача символически показывать не материальное, а духовное богатство Церкви.

Нужно сказать, что в древности у всех народов ювелирное искусство носило сакральный характер. Оно выражало целый комплекс идей: соотношение человека с Божественным миропорядком, личности с космосом или обществом. Оно служило символом защиты от враждебных сил, идее гармонии, делегирования власти. Видимые предметы заключали в себе невидимые миры. Духовная сторона наиболее ярко воплощалась в признании защиты и союза с небесными покровителями. Ювелирные изделия служили свидетельством, как бы печатью этого союза.

В современном ювелирном искусстве эти корни остались, но, большей частью, поверхностно. Часто энергия художника уходит во внешнюю сторону. Сегодня очень любят говорить о «духовном», но «не религиозном» содержании искусства. Некоторые пытаются эгзгумировать различные языческие культы, но, как ни странно, в сочетании с профанацией этих же культов. Это происходит потому, что художник пытается сам надеть некой магией свои изделия.

В истинно христианском искусстве все должно быть канонично и при этом глубоко символично. Для восприятия и понимания его природы необходимо самому быть, что называется, «в материале», а точнее — воцерковленным человеком. Иначе легко «сбиться с толку». Даже слова, которые сегодня используются, обрели иной смысл по сравнению с тем, какой они выражали прежде. Это нас разъединяет с древними христианами и не действует пониманию между современниками. В древности приоритетным было духовное осмысление явлений, исходящее из того, что «Дух творит форму». Сегодня доминирует материалистическое мировоззрение,

рациональный подход. Это говорит о том, насколько принципиален вектор внутреннего направления: можно говорить о Боге, но быть направленным в другую сторону, и наоборот. Важно, чтобы внутренний компас работал исправно. Жизнь материальная и духовная одинаково реальны, но имеют совершенно разную природу. Произведения светских художников предназначены для людей — их прославления и удовлетворения их тщеславия. Современные люди, в большинстве своём, признают за светским искусством право быть дорогим, однако соблазняются богатством произведений церковного искусства. Но ведь оно посвящается Богу и прославляет Бога! Так в чем же дело? В том, что человека — творение Божие, мы ставим выше Творца? Стоит задуматься.

Я понимаю, что людям, получившим определенную советскую закуску, бывает очень затруднительно воспринимать церковное искусство. Их смущает обилие драгоценных металлов, камней и т. д. Усвоив узкорациональный, атеистический подход к христианской культуре, они воспринимают церковное убранство, как навязчивые знаки богатства, а не как символы Славы Божией, Света Христова. Это проблема безверия, материального восприятия мира. Но мир не только материален. Материальный мир — это икона горнего мира. Любой материал или предмет могут иметь символический смысл, особенно если он складывался веками. Например, в христианском сознании, золото — абсолютная метафора света, а свет — абсолютная метафора Бога. Каковы значения золота в материалистическом сознании? Они — синоним богатства, власти денег. На лицо несоответствие понятий. Что с ним делать? Ничего. Признать как данность.

Как Вы относитесь к изделиям современного церковного искусства, которые продаются повсеместно — кресты, иконы массового производства, иногда не очень высокого качества?

По разному. Если говорить о современных предметах церковного искусства, то при всем моем уважении к техническому качеству, оно у меня стоит на почетном втором месте. Сравните, например, изделия сов-

ременных высокотехнологичных производств с работами древних мастеров, выполненных в самой простой технике. Как правило старинные образы и памятники искусства воздействуют на нас сильнее потому, что сделаны с верой и любовью. Эти творения обладают большой духовной глубиной и

каноничностью именно благодаря живой вере и любви людей, а не совершенству машин.

Я убежден: все, что мы вкладываем в труд, в изделие, и что выпускаем в мир — работает. Когда изначально поставлена чисто коммерческая цель, вещь формируется «на потоке», и не важно, что это — стилизация лаконичной архаики или плоды современной технологии, тогда «на выходе» все мертво, мы чувствуем пустоту, Пустота никогда не насыщает. И это касается любой стороны жизни: будь то пища, одежда, искусство... Ответственность церковного искусства, художника за выпуск массовой продукции значительно выше. Сегодня, когда мы втянуты в рыночные отношения, очень тяжело утвердить существование чего-то достойного. Общество не вкладывает свои деньги в те ценности, которые таковыми не признает.

Наличие большого количества дешевых «святых» обусловлено духовным состоянием общества, точнее, тем, что значение духовного вклада обесценивается. Этот процесс у верующих может вызвать иконоборческое настроение, а у неверующих усиливать атеизм. По нашей вере и милости Божией всякий предмет может стать святыней. Господь в силах претворить «воду в вино», но лучше нам не упоминать имени Его всуе потому, что каждый из нас сам, лично будет отвечать перед Богом за все. Хотя, данном случае, я обращаю внимание на ответственность художника перед людьми. Сейчас церковное искусство имеет законное право на легальное существование и финансируется, но проблемы все же есть. Очень часто они исходят из самой системы производства, нацеленной на тиражирование товаров, предназначенных для личного и церковного употребления. Сегодня массовым выпуском церковных изделий занимаются люди мало компетентные и часто далекие от церкви.

Самым огорчительным является неживой подход и непонимание канона. Именно это делает новодел «мертвым».

Что Вы вкладываете в понятие «живой», «живые»?

Живым я называю все, в чем чувствуется присутствие Благодати Божией. Если речь идет о плодах наших трудов, то насколько мы позволили Господу потрудиться с нами, настолько живым будет результат. Механизм этого взаимодействия хорошо иллюстрируют слова Апокалипсиса: «Се стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откровение Иоанна Богослова 3.20). А открывается эта дверь нашей бескорыстной любовью. Замечательным примером такой благодатной деятельности может служить детское творчество. Ребенок редко что делает без любви, не искренно. У него все «взаправду». А когда восхищенные взрослые художники пытаются подражать детям, получается как-то «понарошку». Недаром Господь говорит «Будьте как дети».

Что в Вашей творческой работе является главным критерием, и как Вы этого достигаете?

Для меня главным критерием является «живизна». Святые отцы называли труд «молитвой для тела». Потому что во время работы происходит синергия, диалог человека с Богом, иначе невозможно создать что-либо стоящее. Но в повседневной жизни не задумываешься об этом. Человек ведь не отслеживает, как и почему он дышит. Само по себе церковное искусство никогда не станет самоцелью, не будет самодостаточно. Образно говоря церковное искусство должно быть подобно Предтече второго пришествия Спасителя. Его задача свидетельствовать о «Свете» и с Его приходом исчезнуть. Ведь когда «будет Бог во всем» иконы будут не нужны. Тогда соблюдаются основы церковной жизни, церковного искусства, предназначение которого не изображать, а являть Истину и Красоту. В этом и его судьба: жить, чтобы умереть, и умереть, чтобы жить — Пасха!

Как церковный художник-ювелир Вы создаёте оригиналы крестов, которые затем идут в производство.

Ваши работники просто копируют образцы. Как, в таком случае, можно контролировать «духовное качество» изделий?

Во всех традиционных искусствах, каковым является и церковное, лежит принцип копирования. Сегодня его часто и, на мой взгляд, неправильно понимают, как противоположность творчеству. В мирском

сознании творчество это такая креативная деятельность индивида по созданию чего-то доселе небывалого, ну а копирование это механическое воспроизводство уже кем-то созданного. С церковной точки зрения: и бунтарское стремление создать что-то новое и мертвая имитация — все это качества сатаны — «неудовлетворенного творца» и «обезьяны Бога». В церковном понимании Творец — един Господь. Мы же

можем быть творцами только по Благодати в силу нашего соединения с Богом, которое происходит по нашей вере и любви. И в таком творческом процессе познания Бога, и соборно с Господом, участвует вся Церковь. Причем, в большей степени, святые её и духоносные художники древности. Поэтому я, как церковный художник, могу считать себя автором своих работ только в юридическом смысле этого слова. Работники моей мастерской так же участвуют в этом процессе, не смотря на то, что их деятельность происходит в более узких рамках. Я вижу, как их внутреннее содержание отражается на качестве изделий: как техническом, так и духовном. Все работники православные люди, как и я, обременены теми или иными грехами. У каждого складываются свои отношения с Богом и Церковью. На мой взгляд это глубоко личное дело каждого. Но я, как руководитель, требую от них высокого профессионализма и любви к своему делу. В первую очередь любви, особенно если работник молодой, тогда он обязательно станет отличным мастером, Господь ему поможет. Работающий без любви, а значит без Бога, может стать только классным имитатором.

Юрий Анатольевич, Вы назвали вашу деятельность «служением», «призванием». Как Вы это понимаете?

Вот пример: когда мужчину призывают в армию, он должен служить Отечеству, потому что именно оно его и призывает. Служение без призвания бессмысленно. Дальше все зависит от человека, и каждый может выбрать либо службу, либо дезертирство. Очень популярный средний вариант — отбывание повинности, т. е. имитация. Но когда воин — защитник Отечества, исполняет свои обязанности с ответственностью и любовью к Родине, ближним, армейская служба становится для него органичной, осмысленной, она преобразуется в служение. Так и в жизни.

Понятия *служение* и *призвание* родственны. В русском языке слово *призвание* точно проясняет духовный смысл нашего существования. Кто же *Призывающий*? Это Бог. Господь не приказывает нам. Он призывает к служению, каждого наделяет талантом, а судит «по плодам», результату. Я меркантильный человек в духовном плане. Признаюсь, что бремя мое легко и работа меня буквально животворит. Я призван, я хочу служить, и не могу жить иначе.